

Константин Вереницин

ДВА ДЬЯВОЛА

ЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

**ЛИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ПРИКЛЮЧЕНИЙ**

ПРИКЛЮЧЕНИЯ • ПУТЕШЕСТВИЯ •
ФАНТАСТИКА

XLII

**Leo
2017**

Константин Вереницин

ДВА ДЬЯВОЛА
(ДВЕ ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ПОЭМЫ)

БИЛИНГВА

Тарас на Парнасе

(ПА СПСУ А.РЫШІНСКАГА)

Тарас на Парнасе

Узлезшы на Парнас, што відзеў там Тарас

I

Ці знаў з вас, братцы, хто Тараса²,
Што у палесаўніках³ быў?
На Пуцявішчы⁴, ля Панаса,
Ён там ля лазні блізка жыў.

Што ж, чалавек ён быў рахманы,
Гарэлк' і ў губу⁵ ён не браў⁶,
Зато ж і ў ласцы быў у пана,
Яго пан дужа шанаваў.

Любіла тож Тараса й паня,
Ні разу' і ўраднік⁷ не збрахаў⁸,
Зато ж Тарас балота зрання
Да цёмнай ночы пільнаваў.

Чуць золак — ён стрэльбу на плечы,
Заткнець сякіру за паяс,
І заўжды ходзіць бор сцяргчы⁹
І птушак біць з ружжа Тарас.

Хадзіў ці многа ён, ці мала,
Ды такі-нешта адзін раз
Бяда ў бару яго спаткала...
Вось як казаў нам сам Тарас.

II

На самага Кузьму-Дзям'яна¹⁰
Пайшоў я ў насып¹¹ між імхоў —
Устаў я нешта дужа рана,
Здаецца, з першых пятухоў.

Іду сабе я панямногу,
Але й на пень троху прысеў,
Аж разам: лоп!-лоп!-лоп! цераз дарогу¹²,
Здаецца, цецярुक зляцеў.

Злажыўся: кляпсь!.. Памжа¹³! Не паліць!
Крамзель удругава¹⁴! Не жгець...
Гляджу — аж вось з-за елі валіць
Як ёсць хароміна-мядзвездзь.

Хоць не пужлівы я дзяціна,
Але затросся, як асіна,
Зўбам быць цюцька ляпачу.
Гляджу на бок аж зломлена лясіна,
Уздумаў дай-тка ускачу!

III

Скакнуў - не трапіў, паслізнуўся
І ў яму мазгаўнёй лячу!
Ляцеў... ляцеў... Як разануўся,
Аж стала зелена ўваччу!

Ці доўга я ляцеў, ці мала,
Таго ніяк я не ўцямлю,
Але ўжо ладна рассвітала,
Як я зваліўся на зямлю.

Устаў з зямлі, аблакаціўся,
Бо быў ў балоце¹⁵, быць¹⁶ свіння,
І дужа, дужа я дзівіўся,
Дзе апынуўся гэта я?

Рукой паскробшы кала вуха,
Дабыў з табакай рагавень¹⁷,
І храпы¹⁸ напіхаў цяргухай¹⁹,
Бо цэлы не ўжываў я дзень²⁰.

IV

Авохці мне! Як там прыгожа!..
Ну быццам хто намаляваў:
Чырвоны краскі, мак і рожа,
Як бы шырынку²¹ хто паслаў.

І птушкі ёсць там дужа стройны²²
Пяюць палепшай салаўя.
Ай-е... авохці мне... авой-е!..
Куды ж гэта патрапіў я?..

Стаяў я доўга і дзівіўся,
Разінуў ляпу і глядзеў.
Аж вось адкулетка з'явіўся,
Ці то прыйшоў, ці прыляцеў

Хлапчынка нейкі круглалікі,
Увесь кудравы, быць баран,
І за плячмі ў яго вялікі
Прычэплен лук быў і каўчан²³.

— Адкуль, куды дарога гэта? —
— Спытаў у хлопчыка Тарас.
— Дарога гэта з таго света
І ідзець²⁴ проста на Парнас.

Сказаўшы, хлопец таго часу
На крыллях шпарка паляцеў,
Дарогу ж расказаць²⁵ Тарасу,
Не меўшы часу, не хацеў.

Памысліў наш Тарас нямнога,
Што за шатан²⁶ Парнас такі?
І лупіць проста, дзе дарога,
Узяўшы ў рукі добры кій.

V

Прайшоў вёрст дзесяць, можа, й болей,
Аж відзіць²⁷ ён — гара стаіць,
Пад тэй гарой народу ўволю,
Як быць кірмаш які кішыць.

Прыйшоў ён бліжай, што за ліха?
Народ не просты, ўсё паны!
Хто дужа шпарка, а хто сціха²⁸, —
Усе лезуць на гару яны.

Быць жыды ў школе галасуюць²⁹,
Гатоў адзін другога з'есць,
Кажыны³⁰ морду ўпярод суець³¹,
Штоб³² першым на гару узлезць.

VI

Усе з сабой цягаюць кніжкі,
Аж з іншых пот руччом плюшчыць,
Друг дружку выціскаюць кішкі...
Вось нехта праміж іх пішчыць³³:

— Памалу, братцы, не давіце
Мой хвіллятон³⁴ вы і «Пчалу»³⁵,
Мяне ж самога вы пусціце...
Ай, не дзяржыце³⁶ ж за палу!

А то дадўшы³⁷, што ў газеце
Я й вас аблаю на ўвесь свет,
Як Гогаля у прошлым леце³⁸...
Ведзь я рыдахтарам³⁹ газет⁴⁰.

Глядзіць Тарас — аж гэта сівы,
Кароткі, тоўсты, быць чурбан,
Плюгавы⁴¹ дужа, некрасівы
Крычыць, як аглумлёны⁴², пан⁴³.

Нясець вялікі мех пан гэты,
Паўным-паўнёханек набіт.
Усё там кніжкі ды газеты —
Ну, быць каробачнік⁴⁴ тэй, жyd!

Таварыш поплич з ім ідзець
І няці кніжкі пасабляець⁴⁵,
А сам граматыку нясець,
Што у смінарях⁴⁶ абучаюць⁴⁷.

Вось нехта, сеўшы ў тарантасе,
На гару цягнецца трушком⁴⁸ —
Знаць, любяць тых і на Парнасе,
Хто ездзіць конна^а, а не пяхком.

VII

Вось нешта разам зашумелі,
Народ раздаўся на канцы —
І быць як птушкі праляцелі
Чатыры добрых малайцы.

Народ-та відна, не такоўскі —
Сам Пушкін, Лермантаў, Жукоўскі
І Гогаль шывка кала нас
Прайшлі, як павы, на Парнас.

Ну, словам многа тут народу
Сабралась лезці на Парнас:
Былі і ладн⁵¹, а болей зброду —
Часамі так на свеце ў нас.

Прамiж людзей Тарас штурхаўся
І ціскаўся, што ёсць пары;
Вось ледзь-няледзь такі-прабраўся,
І лупіць проста да гары.

VIII

Узлез... Глядзіць — аж домік новы
Стаіць, зазвычай, панскі двор;
І кругом добры тын яловы —
Нябось няплоха ўлезець вор⁴⁹.

А на дварэ тут свiннi ходзяць,
Сабакi, козы й бараны —
Знаць жа й багi хазяйства водзяць,
Калi дзяржаць свiней яны.

На грошы ў тронкі⁵⁰ тут гуляюць
Парнаскі хлопцы й дзяцюкі;
А хто й капейкі з iх не маець,
Тэй лупіць толькі у шлякі⁵¹.

Улез Тарас к багам і ў хату.
Авой-іе!.. Ні даць ні узяць,
Быць у казарме тут салдаты,

Багоў — няможна й сашчытаць⁵².

ІХ

Тарасу й ліха што здаецца,
Ну, быць у рандзе⁵³ ён сядзіць:
Хто піпку⁵⁴ курыць, хто смяецца,
І іншы песні баруздзіць⁵⁵.

Глядзіць ён⁵⁶, вось на лаўцы шыюць
Шаўцы багіням хадакі⁵⁷,
Багіні ж у карытах⁵⁸ мыюць
Багам рубахі і парткі.

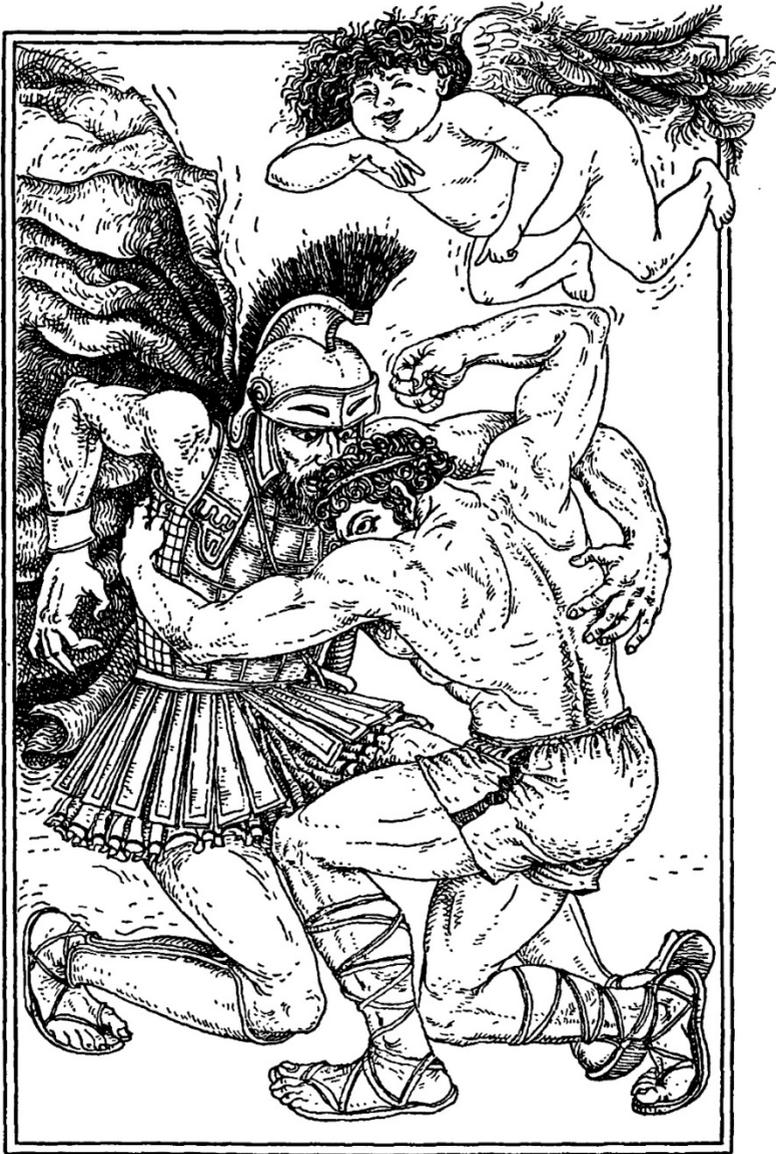
Сатурань⁵⁹, лыкі размачыўшы,
Падвіркай⁶⁰ лапці падплятаў —
Па свету многа пахадзіўшы,
Лапцей ён ладнага⁶¹ стаптаў.

Няптун на лаўцы чыніць⁶² сеці
І восці⁶³ содзіць на шасты,
Пры ім жа, мусіць, яго дзеці
Дзюравы лапяць⁶⁴ нераты⁶⁵.

Х

Вось б'еца Марс⁶⁶ із Геркулесам⁶⁷,
А Геркулес, як быць мядзведзь,
Штоб цешыць самага Зевеса⁶⁸,
За чуб ён лоўка Марса мнець.

Зевес жа наўзніч лёг на печы,
Сямягу ўголавы⁶⁹ паклаў —
Ён грэў на печы стары плечы
І нешта ў барадзе шукаў.

Вось перад люстрам 'задкам⁷⁰ мелець
І мажаць маслам валасы,
І нечым морду сваю беліць
Венера⁷¹, знаць, дзеля красы.

Амур⁷² ўсё з дзеўкамі жартуець,
Ну проста смех ажна глядзець:
То ён зняцейка⁷³ пацалуець,
То шмотку з галавы здзярэць.

То адным вокам ён міргаець,
Як быццам бы каго завець,
То у гармоніку зайграець,
То німхvam⁷⁴ песню запяець.

XI

Вось затраслася ўся гара:
Зевес то з печы схамянуўся,
Зяўнуў і дужа пацягнуўся
І кажаць: «Есці ўжо пара!»

Прыгожа дужа дзеўка Геба⁷⁵
Гарэлку ў чаркі наліла
І, як жарон, букатку⁷⁶ хлеба
Прынёсшы,— брох! — сярод стала⁷⁷.

Яна ў страху⁷⁸ ўзята ў небе,
Штоб есць варыць і плацця мыць —
Нябось на цяжкім жывець хлебе,
Ці штука ж столькіх накарміць?!

Вось са ўсяго сабралісь неба,
Як тараканы кала хлеба,
Багі і селі ўкруг стала,
Патравы ж смачны з печы Геба

Насіць да столу пачала.

XII

Спярша, дала яна капусту⁷⁹,
Тады са скваркамі кулеш⁸⁰,
На малацэ крупеню⁸¹ густу —
Даець уволю, толькі еж!

І з пастаялкай⁸² жур⁸³ студзёны,
І з кашы сала аж цякло,
Ды і гусяціны пражонай⁸⁴
Уволю ўсім багам было.

Як узняслі ж на стол кілбасы,
Бліны аўсяны ў рашацё —
Аж слінкі пацяклі ў Тараса,
І забурчала ў жываце.

Гарэлку піць багі пачалі —
З насаткі⁸⁵ ў чарку знай што льюць!
Падпіўшы, песні закрывалі —
Ну, быць у рандзе ўсі пяюць.

Бах⁸⁶ сп'яна пеў такі' прыпеўкі,
Што аж няможна гаварыць,
Ажна саромеліся дзеўкі,
Як стаў ён рэчы развадзіць.

Дый сам Зевес так насцябаўся,
Што носам чуць зямлю не рыў;
Ён вочы жмурыў ды ківаўся,
Ды нешта быццам гаварыў⁸⁷.

ХІІІ

Але-такі багі і ўсталі,
Як ўсё паелі й папілі.
Вось разам у дуду⁸⁸ зайгралі —
Скакаць багіні пачалі.

Узяўшы хустачку, Венера
Пайшла мяцеліцу⁸⁹ скакаць;
Прыгожа, стройна цераз меру —
Няможна й пёркам напісаць.

Чырвона, тоўста, круглаліца⁹⁰,
І вочы, быць на калясе,
Як жар гарыць яе спадніца,
І ўстужкі ўплецены ў касе.

Нептун⁹¹ з прыгожанькай наядай⁹²
Пайшоў ўпрысядку казака⁹³ —
Нябось і у старога гада
Іграець кроў, як дзяцюка.

Хапнуўшы келішак гарэлкі,
Амур яшчэ павесялеў —
Іграць пачаў ён у свірэлку⁹⁴
І песні дзеўкам стройны пеў.

А вось і сам Юпітэр⁹⁵ з Вестай⁹⁶
Пусціўся, стары хрэн, у пляс,
Як быць жаніх перад нявестай
Заткнуў ён рукі за паяс.

Хоць не маё то, праўда, дзела,
Не след бы, можа, мне й казаць,
Любіў ён цешыць грэшна цела⁹⁷,

Часамі й добра падгуляць!

Вось Марс у новых, добрых ботах —
Ен, мусіць, ботаў не жалеў,
Бо з німхвамі скакаў да поту,
Гуляў у жмуркі⁹⁸ і шалеў.

І кажны⁹⁹ бог так раскакаўся,
Што аж няможна удзяржаць.
А хто ўжо дужа насцябаўся,
Таго пад лаўку клалі спаць.

XIV

Калі ж зайграў дудар плясуху,
Ніяк Тарас наш не сцярпеў
І з лаўкі ён, што ёсці духу?
Скакаць на хату¹⁰⁰ паляцеў.

Як стаў прыстуківаць атопкам,
Аж рты разінулі багі...
То ён прытопнець, то прысвіснець,
То шпарка ходзіць укругі¹⁰¹.

Глядзеў Юпітэр і дзвіўся,
І пад дуду ў ладошы біў,
Але й к Тарасу прыбліжыўся
І так-такі яго спрасіў:

— А ты адкуль-такі, прыяцель?
Чаго прыйшоў ты на Парнас?
Ты хто такі? Ці не пісацель?
— Ту! Не, паночак, я Тарас.

Палесаўнік я з Пуцявішча,
Чуць золак сяння я з двара,

Прыйшоў сюды я апаўдні 'шчэ.
Ды ўжо й дамоў бы мне пара.

Ці не была б, паночак, ласка
Адсюль дамоў мяне адвесць?
Хадзіўшы па гарэ Парнаскай,
Мне дужа захацелась есць.

Ды і сварыцца будзець жонка,
Што я дасюлечка не йду.
Куды ж ісці, ў яку старонку,
Калі дарогі не знайду?

XV

Кіўнуў Зевес — і мігам Геба
Крупені ў міску наліла,
І добрую краюшку хлеба,
Сказаўшы «еж», мне падала.

Крупеней я пасілкаваўшысь,
Усіх падзякаваў багоў;
Кашэль за плечы прывязаўшы,
Сабраўся йсці ужо дамоў.

Аж вось зехвіры¹⁰² падхвацілі,
Хто за рукі, хто за паяс,
І быць як птушкі, паташчылі
Мяне яны цераз Парнас.

Няслі на крыллях быць як вецер,
І проста прыняслі ў наш лес.
Гляджу я... Цёмна... Мусіць вечар.
І маладзік на неба ўзлез...

З тых пор Тарас ужо не ходзіць

Так рана дужа па барам,
А цераз тое і не шкодзіць
Бервення красці ён варам.

Дык во як некалі Тарас
К багам забраўся на Парнас!..
Ён мне пра гэта раскажаў,
А я ў паперы напісаў.

15 красавіка 1855 г., Гарадок

Тарас на Парнасе

(ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ М.ЛОЗИНСКОГО)

Тарас на Парнасе

Взобравшись на Парнас, что видел там Тарас

I

Знавал ли кто из вас Тараса,
Что полесовщиком служил?
На Путевище, у Панаса,
Он возле самой бани жил.

Что ж! Человек он был почтенный,
Горелки даже в рот не брал.
Недаром пан за нрав степенный
Его пред всеми уважал.

Он и у пани был в почете,
И староста не обижал,
Зато уж сам он на болоте
С утра до ночи пропадал.

Чуть свет — он за плечи двустволку,
Топорик за пояс заткнет,
Да и уходит втихомолку:
Лес караулит, пташек бьет.

Ходил он много или мало —
Не ведаю, но как-то раз
Беда в лесу его застала...
Вот что рассказывал Тарас.

II

«На самого Кузьму-Демьяна
Пошел я в пуцу через мхи;
В то утро я поднялся рано,
Едва пропели петухи.

Иду себе я понемногу
И на пенек в лесу присел.
А тут — лоп-лоп! Через дорогу —
Глянь! — тетерев перелетел.

Навел двустволку — щелк! — осечка.
Щелк снова — то же! Надо ж ведь!
Гляжу: за елью, недалечко,
Как есть хоромина-медведь!

Хоть не трусливый я детина,
А тут затрясся, как осина,
Зубами, как щенок, стучу.
Гляжу — повалена лесина,
И думаю: давай вскочу!

III

Скакнул — да мимо, поскользнулся
И в яму — бух! — в единый мах.
Летел, летел, аж задохнулся,
И стало зелено в глазах.

Я много пролетел иль мало,
Того и сам не понимал,
Одно лишь помню — рассветало,
Когда я на землю упал.

Я встал с земли — чего уж хуже:
Весь был в грязище, как свинья,
И про себя дивился дюже:
Где ж это очутился я?

Поскреб рукою возле уха,
Достал рожок, достал табак
И ноздри напихал тертухой,—
С утра не нюхал как-никак!

IV

Вот диво! Что за край прекрасный!
Ну, словно кто намалевал!
Цветы пестреют: синий, красный —
Как будто кто платок постлал.

И пташки есть там — так уж сладко
Поют, изрядней соловья.
Помилуй, Боже, вот загадка!
Куда же это прыгнул я?

Стоял я долго и дивился
И, рот разинувши, глядел,
Как вдруг откуда-то явился,—
Пришел, а может, прилетел,—

Какой-то хлопчик, пухлый, томный
И кучерявый, как баран,
А за спиной его огромной
Прицеплен лук был и колчан.

«Куда, отколь дорога эта?» —
Спросил я хлопчика тотчас.
«Дорога эта с того света,
Ведет же прямо на Парнас».

Малец, сказав такое слово,
На крыльях шибко полетел,
Дорогу ж показать толково,
Заторопившись, не хотел.

Тут я задумался немного:
«Что это за Парнас такой?»
И напрямик пошел дорогой,
Запасшись толстою клюкой.

V

Прошел верст девять той дорогой,
Вдруг вижу я — гора стоит;
Под той горой народу много,
Как будто ярмарка кипит.

Прошел поближе - что за лихо:
Народ все чистый, господа!
Кто голову сломя, кто тихо,
Все лезут на гору. Беда!

Как в синагоге, крик несется,
Готов один другого съесть,
Кто побойчей — вперед суется,
Чтоб на гору всех раньше взлезть.

VI

И все с собою тащат книжки,
Аж пот с иных ручьями льет,
Тот, рукописи взяв подмышки,
Сильнее всех в толпе орет:

«Полегче, братцы! Не душите
Вы фельетон мой и «Пчелу»,
А самого меня пустите
И не держите за полу!

Не то я прикажу газетам
Обляять вас на целый свет,
Как Гоголя запрошлым летом,
Ведь я ж редактор всех газет!»

Смотрю и вижу: это сивый,
Короткий, толстый, как кабан,
Плюгавый, дюже некрасивый,
Кричит, как ошалелый, пан.

Мешок его, на плечи вздетый,
Полным-полнехонько набит,
Он тащит книжки да газеты,—
Как коробейник он на вид!

Товарищ рядом с ним идет,
Тащить он книжки помогает,
А сам грамматику несет,
Что в наших бурсах изучают.

Вот кто-то, важно в тарантасе,
На гору тянется тишком;
Знать любят тех и Парнасе,
Кто на коне, а не пешком.

VII

Все что-то разом зашумели,
Народ раздался в два конца,
И, словно птицы, пролетели
Четыре добрых молодца.

Вид был у этих не таковский:
Сам Пушкин, Лермонтов, Жуковский
И Гоголь — быстро мимо нас
Прошли, как павы, на Парнас.

Ну, словом, много тут народу
Взлезть норовило на Парнас.
Немало и панов и сброду,
Как и на свете, здесь у нас.

Промеж людей и я толкался,
Чтобы протискаться силком.
Вот наконец-таки пробрался
И лезу в гору напрямиком.

VIII

Долез. Гляжу: двор с хатой новой
Обыкновенный панский двор.
Кругом его забор еловый,
Надежный, не пролезет вор!

А на дворе том свиньи ходят,
Бараны, козы бродят, спят.
И боги, зная, хозяйство водят,
Раз держат столько поросят.

Мальцы парнасские швыряют,
В орлянку дуясь, медяки,
А если деньги проиграют,
Так лупят просто на щелчки.

Полез к богам я в дверь той хаты...
И — охти мне! — ни дать ни взять,
Толкутся боги, как солдаты
В казарме,— и не сосчитать!»

IX

Тарасу черт-те что сдается.
Он словно в кабаке сидит:
Кто трубку курит, кто смеется,
Кто песню про себя бурчит.

Глядит: на лавочке тачают
Швецы богиням башмачки,
Богини у корыт — стирают
Богам рубахи и портки.

Сатурн, тот, лыки размочивши,
Усердно лапти подплетал.
Немало по свету бродивши,
Лаптей он уйму истоптал.

Старик Нептун развесил сети,
Шесты готовит для острог;
При нем его, как видно, дети —
Дырявый чинят неводок.

X

Вот Марс дерется с Геркулесом,
А Геркулес, что твой медведь,
В утеху старому Зевесу
Ловчится — как бы Марса взгреть.

Зевес же, не слезая с печи,
Кафтан под голову подмял
И, грея старческие плечи,
Все что-то в бороде искал.

У зеркала — знай вертит задом
И мажет маслом волоса
Да нос белит себе помадой
Венера — девица-краса.

Амур, тот с девками балует,
Да так, что просто смех берет.
То он украдкой поцелует,
То с головы платок сдерет,

То на гармошке заиграет,
То нимфам песню запоеет,
То глазом этак поморгает,
Как будто он кого зовет.

XI

Вот затряслася вся гора:
Зевес на печке шевельнулся,
Зевнул, и смачно потянулся,
И гаркнул: «Есть давно пора!»

Пригожая девчина Геба
Горелки в чарки налила
И каравай пудовый хлеба,
Принесши,— бряк серед стола!

Стряпухою была на небе,
Чтоб есть готовить, платья мыть.
Чтож не на лёгком она хлебе,
Попробуй столькох накормить.

Вот со всего собрались неба,
Как тараканы возле хлеба,
Уселись боги вокруг стола,
И лакомые яства Геба

Таскать из печи начала.

ХП

Сначала подала капусту,
Потом со шкварками кулеш,
Крупеню, сваренную густо,
На молоке,— бери да ешь!

Кисель со сливками студеньй;
Из каши сало аж текло,
Да и гусятины пряженой
Изрядно каждому пошло.

Как принесла она колбасы,
Блинов овсяных в решете,—
Так захотелось есть Тарасу,
Что забурчало в животе.

Тянуть горелку боги стали,
Из бочки в чарки так и льют;
Подвыпив, песни заорали,—
Все, словно в кабаке, поют.

Такие Бахус пел припевки,
Что невозможно повторить;
И даже застыдились девки,—
Такое стал он разводить.

Зевес так сильно нахлестался,
Что носом землю чуть не рыл,
Глаза прищурил, и качался,
И словно что-то говорил.

ХІІІ

Но от стола все ж боги встали,
Когда наелись, напились.
Тут вдруг на дудке заиграли;
Плясать богини принялись.

Платочек в руку взяв, Венера
Пошла «метелицу» скакать.
Статна, осаниста, — примера
Такой красы не подыскать.

Пышна, румяна, круглолица,
Глаза — быстрее колеса;
Как жар, пылает исподница,
Вся в лентах толстая коса.

Хвативши чарочку горелки,
Амур еще повеселел, —
Играть он начал на сопелке
И девкам стройно песни пел.

Нептун с пригоженькой наядой
Пошел вприсядку «казака»;
Как видно, у седого гада
Кровь, как у молодца, жарка.

А старый хрен Юпитер с Вестой
Пошел отплясывать — да как! —
Ну впрямь жених перед невестой,
Заткнувши руки за кушак.

Хоть не мое то, правда, дело,
Любил — тут нечего скрывать
Он грешное потешить тело

И на досуге погулять.

А тут и Марс вошел в охоту,
Сапог он, видно, не щадил:
Он с нимфами скакал до пота,
Играл, смеялся и дурил.

И каждый бог так расплясался,
Что невозможно удержать,
А кто горелки нахлебался,
Того под лавку клали спать.

XIV

Как заиграл дударь «плясуху»,
Тут наш Тарас не утерпел
И с лавки он, что было духу,
Скакать по хате полетел.

Такое он порой отхлопнет,
На удивленье всем богам:
То он присвистнет, то притопнет,
Пойдет вприсядку тут и там.

Глядел Юпитер и дивился,
И в лад с дудой в ладоши бил.
Потом к Тарасу протеснился
И так его остановил:

«Да ты откуда, приятель?
Зачем явился на Парнас?
Ты кто такой? Ты не писатель?» —
«Нет, мой панок! — сказал Тарас.—

Я полесовщик с Путевища.
Чуть свет сегодня со двора.

Добрел досюда, лесом рыща,
Да и домой уж мне пора.

Уважь меня, паночек, лаской:
Нельзя ль домой меня провесть?
Ходивши по горе Парнасской,
Мне больно захотелось есть...»

Да и жена ругаться будет,
Что я до дома не дойду.
Куда идти, скажи где путь мой,
Я сам дороги не найду.

XIV

Кивнул Зевес, и мигом Геба
Похлебки в миску налила
И добрую краюху хлеба,
Сказавши: «Ешь»,— мне подала.

Похлебки досыта наевшись,
Поклон отвесив всем вокруг,
Я, за плечи кошель надевши,
Собрался уж идти, как вдруг

Меня зефиры подхватили,
Кто за руку, кто за кушак,
И, словно птицы, потащили
Через весь Парнас, да шибко так.

Несли на крыльях, будто ветер,
И прямо принесли в наш лес.
Гляжу: уже, должно быть, вечер
Вон месяц на небо полез...»

С тех пор Тарас уж не гуляет
Чуть свет, как прежде, по лесам
И людям добрым не мешает
Таскать лесины по ночам.

Так вот что видел наш Тарас,
К богам взобравшись на Парнас.
Он мне все это рассказал,
А я в тетрадку записал.

*Перевод на русский язык Михаила Лазинского
отсутствующие строфы-Андрея Левчика.*

ДВА Д'ЯЎЛЫ
(ПА СПІСУ А.РЫШНСКАГА)

Два д'яўлы

Дзе бутэлёчка зазвоніць,
Быц кадук¹ у шыю гоніць.
Беларуска песнь

Дрыб-дрыб, дрыб-дрыб чэшуць ножкі,
Упрыскочку і трушком —
Смаліць д'яўел па дарожкі
Без папаскі², хоць пяхком.

Сам мізэрны, рожкі круты,
Быц хранцузік-небарак,
Козлі ногі не абуты,
Капялюш на ім і храк³.

Бегшы шпарка, змардаваўся,
Ажна высунуў язык,
Што шаг мордай спатыкаўся —
Знаць, к дарогам не прывык.

А дарога была слізка,
Бягіць д'яўел — рад-нярад.
Ведзь жа з Віцебска й не блізка
Ў пекла збегаць і назад.

Змардаваўшысь, пад ялінкі
Троха спыхацца прысеў,
Пусціў з морды гужам слінкі
І, як цюцька, засапеў.

Вось глядзіць ён — аж з-пад леса
Нехта быццам бы ідзець.
Забрала цікавасць беса —
Скок на пень і стаў глядзець.

Абшарпаны, абадраны,
Без рагоў і без хваста,
У юхе морда, усюдых раны —
Бес кульгаець з-за куста.

А, здароў! Адкуль? Як маеш?
Ай, авохці мне! Сваяк,
Гэта ж ты сусім кульгаеш,
Хто цябе змяжджуліў⁴ так?

Лупіў нехта, знаць, сярдзіты,
Калі йдзеш ты без хваста,—
Гаманіў так бес нябіты
Проці бітага чарта.

Як завыець тут калека,
Слёзы градам так і йдуць:
Во, сваяк, дажыць мне века
Злыя людзі не дадуць.

Сатане было заўгодна
З пекла нас дваіх паслаць:
Цябе ў Віцебск, мяне ў Гродна
Душы п'яніц самушчаць⁵.

Думаў, будзець мне пажыва,
Загуляю ў Гродне я.
Дзе акцыз⁶ ідзець шчасліва,
Есць пажыва там мая.

Так я думаў, ды' абмыхнуўся⁷,
Во, адтуль які іду.
Ледзь-няледзь жывы вярнуўся,
Знаць, да пекла не дайду.

Першы год было і што-та:
То апоіш, то разбой.
Досыць будзец тут работы,
Меркаваў я сам з сабой.

Стаў я лазіць па ўсім рандам,
Як за чарку хто — я тут
Тыц к яму з бясоўскай крови радай:
Чуць паслухаў — і капут.

То абкрадзец, то загубіць,
Іншы цэркву разаб'ець⁸,
А хто й сам сябе пагубіць
— Люба-радасна глядзец!

Раз прыйшоў я нешта ў ранду —
Страх успомніць, аж дрыжу —
Мужыкоў сабралась банда,
Я ж пад печку, і сяджу.

За сталом сядзіць шынкарка⁹,
Смутна нешта, слёзы льець,
Па руках не ходзіць чарка,
Ніхто песень не пяець.

Што тут, думаю, за ліха?
Сусім п'яных не відаць,
І у рандзе стала ціха,
Паўлягліся слоўна спаць.

Можа аб подацях¹⁰ гукаюць?
Ці не некрутаў¹¹ бяруць?!
Можа ж піць за што не маюць,
А ў пазыку не даюць?

Ну, ды гэта мне не вадзіць¹²,
Што галышнікі¹³ не п'юць.
Няма грошы — дык украдуць
Ці, абграбіўшы, заб'юць.

Сам жа, вушы навастрыўшы,
Стаў я слухаць, што бубняць.
Віджу — ці то не падпіўшы,
Што гукаюць — не паняць?

Паціхонечку з-пад печы
Шмыкнуў я праміж людзей
Ды к шынкаркі й сеў за плечы,
Штоб расслухаць пачутней.

Хоць нам страшан Хрэст¹⁴ і Вера —
Гэта ведамна з вякоў,
А страшней таго не ў меру,
Што я чуў ад мужыкоў.

Адракліся, закліяліся
Піць гарэлку мужыкі.
Як у іх не адняліся,
У шатаней¹⁵, язькі!

Каб мяне, за хвост паймаўшы,
Хто храстом пережагнаў¹⁶,
Верна б, я так не спужаўся,
Як таго, што я узнаў.

Шэрсць са страху стала дубам,
У дугу мяне звяло,
Пакрывіла морду, губы
І мытухай¹⁷ праняло.

Проста, брацітка, сшалелі —
Хоць б_ы адзін хто зробіў грэх,
Чыста ранды апусцелі —
Чарку б вышій хто на смех.

Мала ж гэтага няшчасця —
Як праняў мяне тут страх,
Млосна стала мне з напасці,
Я на землю — чабурах!

Як прыцімілі ж тут гады,
Што зваліўся я на пол¹⁸,
І нявесь як сталі рады —
Хваць хто цёрла¹⁹, а хто кол.

А адзін, штоб ён апухнуў,
Цуп-такі за самы хвост!
Худа мне, я толькі вохнуў
Як урэзаўся аб мост²⁰.

Хто ганцінай, хто дубінай —
Знай што валяць, ды пяруць²¹.
Разламалі чыста спіну,
Ані вохнуць, ні дыхнуць.

Як шалёны я кідаўся,
Проста пару хоць пусці.
І ўжо з пеклам папрашчаўся,
Мусіць, мне туды не йсці.

Добра 'шчэ, што дагадаўся,
Зірнуў — блізка да дзвярэй.
Я рвануўся — хвост астаўся,
Сам — наўцёкі паскарэй.

— Худа ж, — кажаць чорт з Віцёбска,
— Жаль жа мне цябе, сваяк.
Відна, ў Гродне чарцям кепска,
Во у нас — сусім не так.

Гол народ наш, як свірэлка,
Падвяло яму жывот,
Зато дзёшава гарэлка,
І выходзіць іншы шчот.

Было й мне-та труднавата,
Як стаяла ў нас цана.
Па бутэлькі брала хата —
Што тут зробіць Сатана?

Вып'ець чарачку, другую,
Трэцяй ў губу не бярэць.
А траплялась зачастую,
Што й сусім ніхто не п'ець.

Раз у раз у цэркву ходзяць,
Дзе казанне ім бубняць.
Ой, ксяндзы нам многа шкодзяць —
Косцю ў горле нам сядзяць.

Мужык чысты — Богу верыць,
Яго лепшай не чапай.
Во, як станець чаркі мерыць,
Тады смела падступай.

Раз у горад бег з сяла я —
Акурат на Новы год,
Бо ў сяле мне жыць плахая:
Сусім кінець піць народ.

Толькі што падбег к рагаткі²²,
Чую гоман, галас, крык —
Пяюць п'яныя салдаткі
І, насцёбаўшысь, мужык.

Дзе ні ўзгляну — ўсюдых п'яны.
Я к рагаткам — чорта з два! —
Датла чыста пазламаны;
І каго там не няма!

Што за памжа²³ тут такая?
Вачам веры не даю:
Завялось нешта чудное —
Рот разінуў і стаю.

Вось ідуць удвох, абняўшысь,
З сабой нешта барудзяць,
Ды ўжо так жа насцябаўшысь,
Толькі й можна разабраць:

— Кварта стоіць цяпер злоты,
Во раздолле нам, Дзям'ян,
З панядзелка да суботы
Ад дзяшовай будзеш п'ян.

Як пачуў я у чым дзела,
З ума троху не сышоў,
Затраслося маё цела —
Аж прыплясываць пайшоў.

Я у горад — сярод бруку
П'яных, быццам бы як дроў.
А ўжо ж гоману і гуку —
Зараўло быц сто кароў!

Хто гарэлкі перш і ў губу
Адрадзясь яшчэ не браў —
Тэй сцябаў цяпер, аж любя.
Па паўгарца²⁴ іншы жраў!

Будзець поўна пекла наша,
Будзець мне і пеклу чэсць.
Наварыў я смачнай кашы —
Бяры ложку — ёсць што есць!

У паўдні, сярод дарогі,
Рэжуць, топяць у Дзвіне.
Не, няможна без падмогі,
Аднаму няспраўка²⁵ мне.

Я аб етым і сабраўся
Бегчы ў пекла к Сатане,
Штоб ён даў адтуль шубраўца²⁶
У таварыша ка мне.

А ці ведаеш, сваячык,
Што-ткі я скажу табе?
Куды дзенуць, небарачак!
Ласку зроби — вазьмі к сабе.

Хоць мяне й забілі гады,
Можа, мне не доўга жыць,
А ўсё ж пеклу радзець²⁷ нада,
Трэба троху паслужыць.

Жаль цябе мне і самому,
Ну, ды ладна, дай руку.
Адказаў бы я чужому,
А няможна ж сваяку.

Тут два д'яўлы схамянулісь,
Верць туды-сюды хвастом,
І з разгону апынулісь
Пад Задўнайскім²⁸ мастом.

7 красавіка 1860 г., Масква

ДВА ДЬЯВОЛА
(ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ А.ЛЕВЧИКА)

Два дьявола

Где бутылочка зазвонит,
Как Нечистый в шею гонит.
Белорусская песня

Стук-тук, тук-тук чешут ножки,
И прискоком и трусцой —
Скачет дьявол по дорожке
Возвращается, домой.

Дьявол мелкий, рожки круты,
Как французик-бедолаг,
Козьи ножки не обуты,
Шляпа лишь на нем и фрак.

Он бежал спешил старался,
Даже высунул язык,
Мордой в землю утыкался —
Знать, к дорогам не привык.

А дорога была склизка,
Бедный дьявол рад-не рад.
Ведь из Витебска и не близко
В пекло сбегать и назад.

Подуставши, под сосёнкой
Отдохнуть слегка присел,
Выжал слюнки струйкой тонкой
И, как тютик*, засопел.

*Тютик** — щенок.

Вот он смотрит — возле леса
Кто вроде бы идёт.
Интересно стало бесу —
Прыг, на пенёк стоит и ждёт.

Тут обшарпанный и драный,
Без рогов и без хвоста,
Весь в крови, повсюду раны —
Бес хромает от куста.

— А, привет! Откуда? Знаешь
Интересно мне свояк,
Отчего ты тут хромаешь,
Кто тебя отделал так?

Кто-то бил тебя, сердитый,
Коль идёшь ты без хвоста, —
Говорил так бес небитый
Чёрту битому тогда.

Как завоюет тут калека,
Слезы градом с глаз текут:
— Вот, свояк, дожить мне века
Злые люди не дадут.

Сатане было угодно
С пекла нас двоих послать:
Тебя в Витебск, меня в Гродно
Души пьяниц совращать.

Думал, будет мне пожива,
Загуляю в Гродне я.
Где акцыз идёт счастливо,
Пища есть и для меня.

Думал так и обманулся,
Вот оттуда и иду.
Кое-как живым вернулся,
Знать, до ада не дойду.

Первый год хоть было что-то:
То гулянка, то разбой.
Много будет здесь работы,
Размышлял я сам с собой.

В кабаках из интереса,
Как за рюмку кто — я тут
Шась к нему советом беса:
Раз послушал — и капут.

Тот сворует тёмной ночью,
Этот яд подсыплет в снедь,
Кто и сам себя прикончит.
— Любо-дорого смотреть!

Раз зашел я как-то в ранду*—
Страшно вспомнить, всё дрожу—
Мужиков собралась банда,
Я под печку, и сижу.

За столом сидит шынкарка,
Грустно что-то, слезы льёт,
По рукам не ходит чарка,
Никто песен не поёт.

Что здесь, думаю, за лихо?
Вовсе пьяных не видать,
В кабаке вдруг стало тихо,
Улеглись все словно спать.

Ранда(уст.) — кабак*

Может о налогах бают?
Уж не рекрутов ль берут?!
Иль на водку не хватает,
А займы им не дают?

Я конечно не горюю,
Что те нищие не пьют.
Нету денег — так своруют
Иль, ограбивши, убьют.

Сам же, уши наостривши,
Стал я слушать, что бубнят.
Вижу — вроде не подпивший,
А что бают — не понять?

Потихоньку из-под печи
Прошмыгнул среди людей
И к шинкарке сел за плечи,
Чтоб расслушать поясней.

Хоть нам страшен Крест и Вера —
Это ведомо с веков,
Но страшней того не в меру,
Что слышал от мужиков.

Водку пить они заклились
Это что за мужики?
Как за это не отнялись,
У шатанов, языки!

Чтобы меня, за хвост поймавши,
Кто крестом перехлестал,
Верно бы так не боялся,
Как того, что я узнал.

Дыбом встала шерсть с испуга,
Аж в дугу меня свело,
Покривило морду, губы
И поносом пронесло.

Просто, братка, ошалели —
Хоть один бы сделал грех,
Кабаки все опустели —
Рюмку б выпил кто на смех.

Мало этого несчастья —
Как пронял меня здесь страх,
Дурно стало мне с напасти,
Я на землю — чебурах!

Как заметили здесь гады,
Что свалился я на пол,
Отчего-то стали рады —
Хвать кто миску, а кто кол.

А один, чтоб он зачухнул,
Раз - за хвост, ну и пошёл...
Худо мне, я только ахнул
Когда вмазался о пол.

Кто поленом, кто дубиной —
Каждый пробует пихнуть.
Разломали чисто спину,
Что ни охнуть, ни вздохнуть.

Я как бешеный метался,
Их моя лишь злила прыть.
Уже с пеклом попрощался,
Видно, дома мне не быть.

Хорошо, что догадался
Глянуть — близко до дверей.
Я рванулся — хвост остался,
Сам — помчался поскорей.

Чёрт второй сказал со вздохом
— Жалко мне тебя, свояк.
Видно, в Гродно чертям плохо,
Вот у нас — совсем не так.

Нищ народ наш, как сиротка,
Подвело ему живот,
Но зато дешевле водка,
И другой выходит счет.

Раньше было трудновато,
При устойчивой цене.
По бутылке брали на дом—
Что здесь сделать Сатане?

Выпьет рюмочку, другую,
Третьей даже не берет.
И случалось зачастую,
Что совсем никто не пьет.

В церковь постоянно ходят,
Где им проповедь бубнят.
Ой, ксендзы от нас воротят —
В горле словно кость сидят.

Мужик чистый — Богу верит,
Его лучшей обойти
Вот, как станет рюмки мерить,
Тогда смело подходи.

Как-то в город из села я —
Шёл как раз на Новый год,
Жизнь в селе для нас плохая:
Скоро бросит пить народ.

Только подбежал к рогатке*,
Слышу шум, галдеж, и крик —
Поют пьяные солдатики
И, напившийся, мужик.

Как ни взглянешь — всюду пьяный.
Я к рогатке — черта с два! —
Все её ломают рьяно;
На ногах стоя едва!

Что случилось в самом деле,
Это что за поворот,
Я глазам своим не верю
И стою разинув рот.

Вот одни идут, обнявшись,
Внятно пробуют болтать,
Да уже так налакавшись,
Что и можно разобрать :

— Кварта стоит нынче злотый,
Вот раздолье нам, Демьян,
С воскресенья до субботы
От дешёвый будешь пьян.

Как услышал я в чем дело,
То с ума чуть не сошел,
Затряслось в восторге тело —
Аж приплясывать пошел.

*Рогатка** — застава возле въезда в город.

Срочно в город — на брусчатке
Пьяных, вроде бы как дров.
Шум как будто в беспорядке —
Заревело сто коров!

Тот, кто водки прежде сглупа
Отродясь еще не брал —
Так хлестал сейчас, аж любо.
По два литра выжирал!

Будеть полным пекло наше,
Будет мне и аду честь.
Наварил я вкусной каши —
Бери ложку — есть что есть!

В полдень, посреди дороги,
Режут, топятя в Двине.
Нет, нельзя мне без подмоги,
Одному тут трудно мне.

Я об этом и собрался
В ад с докладом к Сатане,
Чтоб послал оттуда братца
И товарища ко мне.

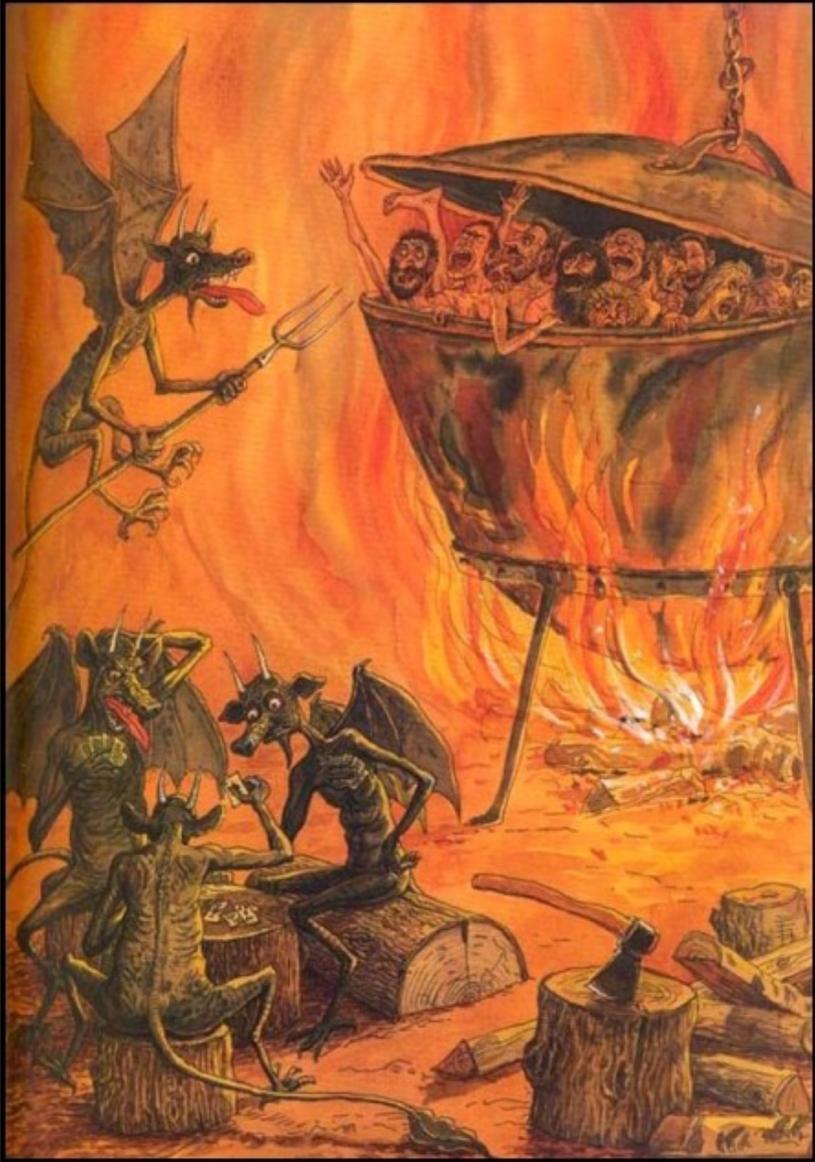
— Знаешь, друг мой и своячник,
Что-в ответ скажу тебе?
Куда денусь, неудачник!
Будь так мил — возьми к себе.

Хотя меня побили гады,
Может, мне не долго жить,
Помогать нам надо аду,
Нужно славно послужить.

— Не дойти тебе до дому,
Ну, да ладно, дай руку.
Отказал бы я чужому,
Но нельзя же свояку.

Здесь два дьявола схватились,
Верть туда-сюда хвостом,
И с разгона очутились
Под ЗадУнайским мостом.

7 апреля 1860 года, Москва

Комментарии

Тарас на Парнасе

1. Имя главного героя, как и другие реалии в поэме, видимо, неслучайно. Интересно прокомментировал его А. Рыпински в примечании к рукописи: Эта иконка написан по поводу непредвиденного появления в российской литературе поэзии простого Малороссийской казака, Тараса Шевченко (на его национальном языке). Парнас — гора, на которой стоял храм Аполлона, одного из главных эллинских (древнегреческих) богов у подножия Парнаса лежали известные Дельфы с их оракулом в храме Аполлона, рядом протекала Кастальский источник — жерло поэтического вдохновения. Согласно эллинской мифологии, на Парнасе жил Аполлон и музы, покровительницы поэзии, искусства, науки. Пещеры в горах считались жильем нимф. А тем временем на территории Горещкой сельскохозяйственной академии, недалеко от главной библиотеки, есть холм, который студенты издавна называют Парнас. Это очень живописное место, рядом лежит небольшое озерцо, на этой горке в старину стояли бани. В таком случаи, шуточная рифма Тарас — Парнас приобретает глубокий подтекст.
2. Первая строка поэмы имеет еще две синтаксические комбинации: *Ці знаў хто, братцы, з вас Тараса; Чы знаў хто з вас, браткі, Тараса*. Первая из них достигает списков Е. Романова, а вторая (вестернизированная) — М. Довнар-Запольского. Но та, что представлена в тексте, принадлежит старейшим редакциям: минской, смоленской, краковской и Рыпинскага. Правда, в последней мы сделали редактуру: *браты — братцы*. Буква **ц**, по-видимому, пропущено по ошибке, так как ниже практикуется *брацец, братцы*.
3. *Палесаўнік* — лесник, сторож леса. Примечательно, что это слово встречается только в старейших списках поэмы - Рыпинскага и краковском. В более поздних редакциях

расширился русицизм *палясоўшчык* с нехарактерным для русского языка суффиксом *-шчык*.

4. *Пуцявішча* — деревня с таким названием действительно существовала за 15-18 км к северу от Витебска.
5. *Губа* — рот. Слово распространенное в белорусских говорах и в литовской XIX в. В некоторых редакциях поэмы ошибочно подается во множественном числе — губы.
6. Апострофом здесь и далее обозначается элизия — поглощение гласного звука.
7. *Ураднік* — в Российской империи ниже ранг уездной полиции. В некоторых редакциях поэмы вместо *ураднік* пишется *войт* — лицо, наблюдавшее за работой крепостных крестьян и выполнением их обязанностей.
8. *Збрахаць* (диал. вить.) — здесь в смысле: отругать, обругать.
9. В тексте Рыпинскага дается правописной форма *сьцярэчы*, в краковском — *сьцярэччы*, однако в говорках Витебщины есть только варианты: *сьярэч* и *сьярэгчы*.
10. *На самага Кузьму-Дзям'яна...* — считается, что здесь имеется в виду христианский праздник, который приходится на 14 ноября (по юлианскому календарю - на 1 ноября), день святых бессеребренников и чудотворцев Космы (Космы) и Демьяна (Дамиана) Асийских (Малая Азия) III в., которые лечили животных, людей, помогали бедным. Однако 14 (1) июля отмечается праздник Кузьмы и Демьяна римских, убитых в Риме в 284 г., которые также лечили людей. В народном календаре обычно путали святых с одинаковыми именами.
11. *Насна* (диал. вить.) — здесь, по-видимому, в смысле: чистый березовый лес, выше человеческого роста (свидетельство М. Никифаровскага).
12. Ритмический образ этой строки удерживает секстоль. Звукоподражание *лон! -лон! -лон!* надо читать в ускоренном темпе.
13. *Памжа* (диал. вить.) — наваждение. Слово в начале XX в. почти забытое, встречается в словаре В. Ластовского.

Рэликтавацьць этого слова привело к тому, что на его месте в краковском списке наблюдается лакуна, а позже — строка была совсем изменена.

14. *Удругава* (диал. вить.) — другой раз.
15. *Балота* — здесь в смысле: жидкая грязь. Именно этого, специфически белорусского значения слово не понял П. Шевцов, когда оспаривал правомерность применения данного слова в пользу варианта грязь.
16. *Быць* (диал.) — будто, как. Реликтовое слово, в «Двух дьяволах» — *быц*.
17. *Рагавень* — табакерка с бычьего рога для нюхательного табака.
18. *Храпы* — ноздри. Слово особенно распространено на Витебщине..
19. *Цяртуха* — нюхальный табак.
20. В некоторых редакциях поэмы дальше шла еще одна строфа:

*Як прасвятлелі мае вочы,
Мядзведзя я ўжо не ўвідаў.
Закінуў я стрэльбу за плечы
І на бакох глядзець я стаў.*

Придя в себя, гляжу я — сгинул
Медведь, как будто не бывал.
Ружье я за плечи закинул,
А сам осматриваться стал.

(пер. М. Лозинского)

Однако этой строфы нет во многих списках: в Рыпинскага, в краковском, в П. Шейна, в списке библиотеки АН Литвы, а также в некоторых ранних редакциях: смоленской, Гродненской и Довнар-Запольского. Очевидно, данная строфа - позднейшая вставка, о чем свидетельствует и неестественна для белорусского языка конструкция: *глядзець на бакох* (надо — *на бакі*).. А если вдуматься, то строфа явно

тавталагичная. Ведь естественно, что после эмоционального вопроса: *Дзе апынуўся гэта я?* — сразу могло идти эмоциональный восклицание: *Авохці мне! Як там прыгожа!..* Однако автор между ними решил вставить психологическую зарисовку, показать, как Тарас нюхает табак. Ход сюжетно оправдан. Только какой-то не очень внимательный читатель успел забыть про вопрос, ему показалось, что здесь не хватает логического перехода, вот он и вставил собственное, не совсем удачное, четверостишие. А в «Нашей Ниве», еще одному редактору, пришлось не по душе слово *ўвідаць*, он снова поправил: *Мядзведзя я ўжо не шукаў*. И дошел до окончательного абсурда. Тарас, как известно, шел охотиться на птиц, а не на медведя. К сожалению, в таком виде тавталагичная строфа до сих пор фигурирует в самых разных редакциях поэмы.

21. *Шырынка* (диал.) — полотный девичий платок домашнего изготовления в виде тонкого полотенца, равного вширь и в длину, с расшитыми краями. Во многих редакциях «Тараса ...» пишут *сукенка* вместо *шырынка*, что совсем нелогично, ведь платье не может служить скатертью.
22. *Стройны* — здесь и далее в смысле: изящный, красивый.
23. Так согласно эллинистической мифологией видов Купидон, божок любви (см. *Амур*).
24. Сложная ритмическая инверсия. Начало строки нужно читать в ритме послоговой рецитации.
25. *Расказаць* — здесь в смысле: объяснить.
26. *Шатан* — черт, дьявол, нечистая сила — от Сатана; здесь применено как ругательство.
27. *Відзець* (диал.) — видеть. Ареал этого слова объединяются половину белорусского территории, в современной литературной языке употребляются только однокоренных слова: *відаць, відзён, відомы, відочны*.
28. *Сціха* (диал.) — потиху.
29. *Галасаваць* — кричать, вопить, болтать
30. *Кажыны* — каждый (см. примечание к *кажны*).

31. Сложная ритмическая инверсия. Начало строки нужно читать в ритме послоговой рецитации.
32. *Штоб* (диал.) — каб.
33. Далее подразумевается Фаддей (Тадеуш) Булгарин (1789-1859) - популярный писатель, журналист и издатель. Родился в имении Пырашево в Минском воеводстве (сейчас — Узденский район) в семье небогатого, но родовитого белорусского шляхтича, имя получил на честь Тадеуша Костюшко. Учился в Петербурге, служил в армии в Наполеона, издавал в Варшаве газету на польском языке, жил в Вильно, потом поселился в Петербурге и занялся литературной деятельностью на русском языке. Дружил с Грибоедовым, имел контакты с Третьим отделением. Вел непрестанную литературную полемику. Особа Булгарина в литературном обществе часто воспринималось крайне неодобрительно, что и нашло отражение в «Тарасе на Парнасе». Правда, далеко не все обвинения против него были справедливы. Комментатор краковского списка поэмы напоминает слова А. С. Пушкина:

*Он Польшу спас от негодяя,
А русских братством замятнал.*

И это далеко не единственная инвективы Пушкина в адрес Булгарина, и наиболее известная эпиграмма:

*Не то беда, Авдей Флюгарн,
Что родом ты не русский барин,
Что на Парнасе ты цыган,
Что в свете ты Видок Флюгарин:
Беда, что скучен твой роман.*

34. *Хвіллятон* — просторечное от фельетон. К жанру фельетона особенно часто обращался Булгарин..
35. «*Пчала*» — подразумевается массовая политическая и

- литературная газета «Северная пчела» («Северная пчела»), выходила в Петербурге с 1825-го по 1864 г. (до 1859 г. издавал Ф. Булгарин и М. Греч).
36. *Дзяржаць* (диал.) — держать. Ареал этого слова занимает примерно половину белорусского территории, встречается оно еще в смаленскан грамоте 1229 г. Я. Станкевич именно слову государств отдавал предпочтение, а держать воспринимал как паланизм.
37. *Дадушы* (диал.) — ей богу.
38. *...Як Гоголя у прошлым леце...*— Ф. Булгарин не раз делал публичные выпады против Н. Гоголя. Правда, поэма написана в 1855 г "а Гоголь умер в 1852 г. Зато в августе 1854 г. в « Северной пчеле » Ф. Булгарин напечатал отзыв на книгу П. Кулиша « Попытка биографи Гоголя », где отрицал эстетическую ценность произведений писателя выражают нечистые намеки в адрес покойного. По-видимому, именно эта инвективы и имеются в виду..
39. *...я рыдахтарам...*— эту яркую разговорную фразу надо рассматривать как эллипсис: я [служу] рыдахтарам. К сожалению, ее не поняли некоторые издатели и портили строку коньектурами.
40. Ф. Булгарин — деятельное и успешный издатель, журналист - действительно был редактором многих периодических изданий.
41. *Плюгавы* — гадкий, мелкий. Значение этого слова часто путают с русским значением 'лысый'.
42. *Аглумлёны* (диал.) — обезумевший, одурелый; от *глуміць* 'дурить'..
43. Словесный портрет Ф. Булгарина едкий, но довольно точный - видно, что автору приходилось воочию видеть журналиста. Вот, например, как выглядит Булгарин в мемуарах С. Акрейца который видел его в детстве: *Я хорошо рассмотрел Булгарина. У него была голова, напоминающая формой тыкву, толстый лицо, большой нос и маленькие, живые черные глаза. Талии было не разглядеть; всё ровное, даже*

живот не выпучивался; коротенькие руки напоминали обрубки. Он имел привычку прятать их в карманы своего горохового пальто. По воспоминаниям М. Греча Булгарин - толстоносый губошлёп. Подобный образ сохранился и на портретах художников.

44. *Каробачник* — мелкий торговец, который разносил по деревням расхожие товары: мануфактуру, книги, мелкие вещи и т. д.
45. Имеется в виду Николай Греч (1787-1867) - российский журналист, писатель, филолог, издатель, соратник Ф. Булгарина. Происходил из прусских дворян. В 1812 г. основал журнал «Сын отечества». В молодости был ярым либералом, но позже перешел на позиции конформизма. Известен как автор первой подробной, унифицированной российской грамматики.
46. *Смінарня* (просторечное от *семінарыя*) - средне специальное, а также духовная учебное заведение, где готовили учителей начальных школ, священнослужителей. Структура слова переосмысленных согласно народной этимологии по образцу белорусских слов: *пякарня, свінарня, смалярня* и так далее, возможна аллюзия на российские слова *смирный, усмирять*.
47. ...у *смінарнях абучаюць*...— Грамматика М. Греча, о которой говорится в поэме, как пособие применялось в духовных семинариях с 1840-го по 1859 г. Между прочим, этот факт служит подтверждением что поэма не могла быть написана позже 1859 г.
48. Здесь имеется в виду популярный российский писатель Владимир Сологуб (1813-1882), автор знаменитой повести «Тарантас» (1845) в которой правдивый показ нравов российского общества сочетался с славянофильских идеями. Принадлежал к титулование аристократии славился утонченными манерами, которые, однако, в середине XIX века уже выглядели анахронично и карикатурно. Автор «Тарас на Парнасе» иронизирует из аристократизма графа Сологуба и его соратника, иллюстратора книги князя

Григория Гагарина. Известно, что перед выходом книги писатель и иллюстратор совершили совместную поездку. Позже, в 1847 г. на аллегорической картине было показано, как Сологуб едет в тарантасе. В 50-е гг. творчество писателя воспринималась скептически и равнодушно. Сологуб оставил интересные мемуары, был секундантом А. Пушкина, дружил с М. Гоголем. А отца писателя А. Сологуба, церемониймейстера, тайного советника, упомянул в «Евгении Онегине» А. Пушкин: *Гуляет вечный Сологуб*.

49. *...Нябось няплоха ўлезець вор...* — ироническое утверждение. Большинство публикаторов не поняли иронии этой строки и активно его переписывали.
50. *Тронкі* — детская игра. Игра в тронкі, по описанию М. Никифаровскага, происходит следующим порядком: берут в руки маленькие оловянные или глиняные шарики (тронкі) и бросают их в заранее вырытые ямки. Ямки с одной и с другой стороны имеют поперечной ровики («как положить палец»), Выигрыш или проигрыш зависит от того, сколько упало в ямки тронкаў - чет или нечет.
51. *Шляк* — щелчок от немецкого *Schlagen*.
52. *Саішчытаць* (рус.) — сосчитать.
53. *Ранда* (от *арэнда*) — корчма, которая сдавалась в аренду.
54. *Піпка* — трубка для курения.
55. *Барудзець* (диал. вить.) — бормотать, невнятно говорить...
56. В рукописи Рыпинскага здесь пропущено слово *ён*, которое восстанавливается по другим спискам.
57. *Хадакі* — кожаные лапти; ботинки.
58. *Карыта* (рус.) — здесь в смысле: корыто.
59. *Сатурань* (просторечное от рим. Сатурн, по аналогии с белорусскими словообразовательными моделями: *вучань*, *дурань*, *снежань*) — бог времени и плодородия, сельского хозяйства (греч. Кронан). Олицетворял собой неумолимое время, который все поглощает и рождает. В честь этого бога проводились карнавалы Сатурналии (кронии), а традиции карнавала, стали культурной основой, на которой возникли

- произведения смеховой культуры, в том числе — и «Тарас на Парнасе».
60. *Падвірка* — спица, специальное шило в виде заостренной деревянной палочки, служит для протягивания лыка при плетении лаптей.
 61. *Ладнага* (диал. вить., маг.) — ладно, много. Незнание этого слова привело к порче текста, а потом к коньектурам в разных редакциях поэмы.
 62. *Чыніць* (рус.) — чинить.
 63. *Восці* — рыбацкая колющая снасть. М. Никифаровский писал: *Осці, восці (острога) - это довольно расширенные ударные снасти ... Местные «остроги», которые производят деревенские кузнецы, грубые, как грубы насаженные на них шесты.* Здесь - пародийный намек на трезубец Нептуна..
 64. *Ланіць* — латать.
 65. *Нэрат* — рыбацкая ловчая снасть в виде сети. М. Никифаровский отмечал: *Нэрат, норыт либо морда может считаться одной из наиболее распространённых заставных снастей...*
 66. *Марс* (рим.; греч.— *Арес*) — бог войны, ранее считался богом дикой природы, лесов.
 67. *Геркулес* (рим.; греч.— *Геракл*) — мифический герой, который славился чрезвычайной силой, за свои геройские поступки был зачислен в свиту богов.
 68. *Зевес, Зеўс* (греч.; рим.— *Юпитер*) — верховное божество, отец богов и людей, сын Кроноса, которого он победил, брат Посейдона и Аида, олицетворял светлое небо, владел раскатами грома и молниями, поэтому имел эпитет *Грамоўнік*. В славянском пантеоне Зевсу частично соответствовал Перун (от *перыць* 'бить').
 69. Уголавы — под голову.
 70. *'Задак* — задница.
 71. *Венера* (рим.; греч.— *Афродита*) — богиня любви и красоты, а также садов, мать Амура. Афродита, по преданию, родилась с морскою пены.

72. Амур (рим.; греч.— *Эрот*) — бог чувственной любви, сын Венеры. В древности представлялся в виде аморфной глыбы, его боялись другие боги, так силе любви никто не может справиться. Позднее, в эллинистический период, Амура представляли в виде крылатого мальчика с луком и стрелами за плечами.
73. *Зняцейка* (диал.) — неожиданно, внезапно.
74. *Німфы* (греч.) — женские божества, воплощения природы и жизненных сил, духи земной поверхности, богини ручьев источников, леса, деревьев, воплощались в образах красивых, обнаженных девушек.
75. *Геба* (греч.) — дочь Зевса и Геры, богиня молодости; на пирах богов подавала вино, обслуживала и кормила богов. Позже стала женой Геракла.
76. *Букатка* — буханка.
77. Описание различных сортов пищи - довольно частый мотив в произведениях Смеховой культуры, его можно встретить еще в «Речи Мелешко» (XVII в.). Немало подобных описаний и в этнографической литературе, например, у П. Шпилевского.
78. *Страпуха* (рус.) — кухарка.
79. *Капуста* — традиционное белорусское жидкое варево из капусты, аналог российских щей. Так же свекла - варево из свеклы которому частично соответствует борщ.
80. *Кулеш* — соус, редкое блюдо из смолотой ячменной, гречневой, гороховой или бобовой муки, варится на мясном бульоне вместе с ребрами, колбасой, мясом, иногда зажаривается, по густоте занимает среднее место между блинный тестом и овсяным киселем.
81. *Крупеня* — крупник, суп из ячменных, пшенной, гречневой или ржаной крупы, забеливается молоком, иногда варится с мясом, с картошкой, на свиной крови.
82. *Пастаялка* (диал.) - някислае (сладкое) молоко, которое постояло в холодном погребе.
83. *Жур* - название различных народных блюд. Здесь имеется в

виду овсяный белый кисель в виде студня, который перед подачей заливают подслащенной водой с толченым маком или молоком, иногда — зажаривают с луком. Кстати, сказочный образ «молочной рэчки с кисельными берегами» — это и есть молоко с белым овсяным киселем.

84. *Пражоны* - жареный. М. Никифаровский отмечал, что глаголы прожить и жарить имеют сходное значение, с той только разницей, что первое действие происходит быстрее, чем второе, и очень часто не в печи, а на огне, на щепе.
85. *Насатка* — деревянная посуда с горлышком для меда, медового пива, медовухи и медового кваса; бочонок с двумя днами, горлышком и скобкой для переноса.
86. *Бах* (греч. рим. — *Бахус*, одно из имён *Диониса*) — сын Зевса, бог плодородия, вина и виноградарства. На Парнасе ежегодно совершались оргии в честь Диониса..
87. В сводных редакциях после этой строфы идет строфа, что начинается со строки *Хоць не маё то, праўда, дзела...*, в списке Рыпинского она дается ниже. Такая композиция выглядит более логично, ведь согласно античной мифологией Зевс был прежде всего любителем женщин, а не крепких напитков.
88. *Дуда* — волынка, народный духовой музыкальный инструмент, представляет собой кожаный мешок с крохотной трубочкой-«соской» и несколькими звучащими трубками. Звучание сильное и резкое. Дуда была особенно распространена в Витебщине, Виленщине и Миншчине. Была очень популярна. М. Никифаровски отмечал: *Редко кто молодых и среднего возраста крестьян не пуститься в пляс, когда заиграет дударь.*
89. *Мяцеліца* — традиционный танец. Музыкальный размер 2/4, 3/8, темп быстрый, иногда выполняется с платочками, сопровождается бойкими частушками. П. Шейн на материалах Виленской губернии описывал: *Собираются пары, берут в руки махрачки, т.е.. рушники или пояса, становятся в ряд. Начинается музыка и напев, и в одно*

мгновение поднимается настоящая метель. Все пары бросаются вдруг, первая, которая проскочила под полотенцем, пропускает вторую пару, третью, четвертую и т. д. Все это делается с невероятной скоростью и всеми парами вместе.

90. *Чырвона, тоўста, круглаліца...*— яркий пример народных эстетических представлений, эталон крестьянской красоты.
91. *Нептун* (рим.; греч.— *Посейдон*) — бог воды, моря. Чтобы избежать засухи, в честь его проводились нептуналии.
92. *Наяды* — нимфы рек и озёр.
93. *Казак* — казачёк, импровизированный мужской танец, размер 2/4, темп быстрый, основные элементы - веревочка, па-де-баск, прысядка. Временами выполняется на пару с женщинами.
94. *Свірэлка* — дудка, народный духовой музыкальный инструмент в виде трубки с боковыми отверстиями, делается из дерева, коры лозы, ивы.
95. *Юпітэр* (рим.) — от неба и света, бог богов муж Юноны (см.Зевс).
96. *Веста* (рим. Греч.— *Гестыя*) — покровительница неба, богиня семейного очага и жертвенного огня, городской общины, появлялась с лицом закрытым покрывалом, с чашкой и факелом в руке.
97. *...Любіў ён цешыць грэшина цела...*— Дословная цитата из «Энеиды наизнанку» В. Равинского, где эти слова адресованы Эолу. Вложенная в уста Тараса эта цитата приобретает особенно шаловливый смысл и дополнительный подтекст.
98. *Жмуркі* — детская игра. Выбранный закрывает глаза, а все прячутся, после чего он ищет их. Первый найденный «жмурится».
99. *Кажны* — каждый. Ареал этого слова охватывает больше половины Беларуси, прежде всего ее северную часть. Оно очень распространенное в литературе XIX в. Я. Станкевич считал его действительно белорусским словом, а *кожны*

рассматривал как украинизм.

100. ...*на хату*...— здесь в смысле: из-за стола, на свободное место.

101. *Укругі* — кругом.

102. *Зехвіры* (просторечное от греч. *Зефиры*) — воплощение западных ветров, зефиры – самые быстрые ветра, несли снег и дождь, но могли быть и мягкими, именно последнее их проявление часто подразумевалось в литературе.

Два дьявола

1. *Кадук* — злой дух, чорт, дьявол
2. *Папаска* — ссобойка в дорогу.
3. *Храк* (просторечное от *фрак*) - торжественное одежда, сюртук с вырезанными спереди полами и длинными узкими фалды сзади. По народным представлениям, именно во фраке, в образе «немца», иностранца, являлся к людям дьявол, которого только потом узнавали, когда видели хвост или рожки.
4. *Мяжджулиць* - сильно избить, растолочь, сбить на мезге (Мезга - мякоть под корой).
5. *Самушчаць* (*змущаць*) — соблазнять.
6. *Акцыз* — освенный государственный налог на товары широкого спакывання; здесь в смысле: разрешение на продажу водки.
7. *Абмыхнуцца* — ошибиться.
8. *Разбіць* — здесь в смысле: ограбить, разграбить; отсюда - *разбой*, *разбойник*. На сегодня - реликтовое слово, которое успело стать объектом неоправданных коньектуров.
9. *Шынкарка* — карчмарка, владелица шинка.
10. *Подаць* (*подач*) — налог, который брался из крестьян и мещан в Российской империи.
11. *Некрут* (просторечное от *рекрут*) — солдат-новобранец в Российской империи, который должен был служить двадцать пять лет. Забор в рекруты для самого рекрута и его семьи было настоящим несчастьем, карой.
12. *...не вадзіць* — не вредит; ад *вада* 'вред'.
13. *Гальшнік* — бедняк, голодранец.
14. *Хрэст* — крещение; крест.
15. *...у шатаней* — у шатанов: множественное сборное число (сравните: *суседзей*, *лапцей*, *вачэй*). *Шатан* — черт, дьявол, нечистая сила — от *Сатана*; здесь применено как

- ругательство.
16. *Перажагнаць* — перекрестить.
 17. *Мытуха* — понос, заболевание желудка.
 18. *Пол* — дощатый помост для сна; здесь возможно: пол.
 19. *Цёрла* — небольшая глиняная посуда с выпуклыми сторонами, носиком и ручкой, применялась для подачи на стол сметаны, масла.
 20. *Мост* (диал. вить., маг.) — деревянный пол.
 21. *Перыць* — сильно бить, избивать.
 22. *Рагатка* — застава на въезде в город.
 23. *Памжа* — наваждение.
 24. *Гарнец* — мера жидких и сыпучих веществ в Великом княжестве Литовском и Речи Посполитой, составлял четыре кварталы (около 3-4 л). Название происходит от глиняной кружки для измерения пива и зерна (2 пивные гарнцы).
 25. *Няспраўка* — нехватка сил, средств.
 26. *Шубравец* — оборванец; озорник; плут, мошенник; здесь в смысле: помощник.
 27. *Радзець* — здесь в смысле: способствовать.
 28. *ЗадУнайскі мост* — мост, название которого происходит от Задунайской (Задунайский) слободы в Витебске. Указание на конкретные места - один из приемов фантастической литературы, для придания сверхъестественная событиям и явлениям ореола правдивости.

Приложение

Людмила Рублевская

Константин, который ходил на Парнас

Нынешние поэты трепетно относятся к авторскому праву. В сети то и дело дискутируют по поводу того, кто у кого метафору одолжил, кто чужой стих свистнул.

Впрочем, было и другое: анонимная поэма ходит по рукам, издается, а автор сидит тихо и внимания на ту возню не обращает, как будто он ни при чем.

Это сегодня поэма «Тарас на Парнасе» включается в хрестоматию и школьные программы. А в позапрошлом веке ее переписывали от руки и зачитывали только проверенным людям. Впервые она была опубликована в 1889 году, уже после некоторых демократических сдвигов в Российской империи, в газете «Минский листок». Через год — в № 87 «Смоленского вестника». В 1896-м в Витебске поэма впервые вышла брошюрой в 15 страниц. Тираж по тем временам солидный — тысяча экземпляров. Неудивительно: поэма стала такой популярной, что была переиздана в Гродно, правда, тиражом поменьше, затем аж два раза в Могилеве, в 1904-м — опять в Витебске. И снова тысячным тиражом. И повторно — в 1910 году с помощью известного витебского издателя И.Абморшева.

Люди потешались над приключениями «палясоушчыка Тараса», который попал в гости к античным богам, а заодно подсмотрел, как писатели, покойные и живущие, карабкаются на Парнас.

Точное имя автора оставалось неизвестным. Восторженные

читатели приписывали поэму Винценту Дунину–Марцинкевичу, Александру Рыпинскому, Франтишку Богушевичу, Артему Верига–Даревскому, Викентию Ровинскому, Феликсу Топчевскому... Не подозревая, что поэт живет себе спокойно в Петербурге по адресу: Поварской переулок, 12. Этаким почтенный статский советник, чиновник Министерства путей сообщения в канцелярии министра, никому не признающийся, что в молодости грешил стихами да еще на языке, который считался «испорченным русским».

И мало кто, наверное, знал, что статский чиновник Константин Васильевич Вереницын был по происхождению крепостным.

Архивный детектив

Впервые это имя открыл литературовед Геннадий Киселев.

В 1973 году ему удалось благодаря писателю Максиму Лужанину познакомиться с опубликованным за границей свидетельством бывшего студента Белорусского университета, а ныне эмигранта Антона Адамовича. Там рассказывалось, как в 1929 — 1930-х годах профессор Пиотухович показывал студентам рукописи белорусского писателя XIX века Александра Рыпинского, среди них — переписанную от руки тетрадку с поэмой «Тарас на Парнасе». В ней значилась дата написания — 1856 год и имя автора — Канстантын Вераницын. Там же имелась и еще одна поэма того же автора под названием «Два д'яўлы».

Было предположение, что Вераницын — это псевдоним. Киселев взялся за дело, и в результате поисков в архивах Минска, Вильнюса, Москвы и Ленинграда нашел реального Константина Вереницына.

А в 1986 году известный историк и архивист Виталь Скалабан обнаружил в московских архивах неопубликованную статью М.Пиотуховича с подробным описанием одного из вариантов поэмы и конкретным указанием автора — К. Вереницын, а также текст поэмы «Два д'яўлы».

Так кто же был автор самой популярной белорусской поэмы XIX века?

Сын крепостной

Константин родился 180 лет назад в деревне Островляны Витебского уезда и был из так называемых дворовых. Изначально он имел фамилию Васильев, совпадающую с отчеством. А в одиннадцатилетнем возрасте получил вольную от своего помещика Василия Бондырева.

Напрашивается вывод, что Константин был незаконным сыном пана, прижитым от крепостной девушки. Чему есть и другие подтверждения: уже наследник владельца Островлян полковник в отставке Михаил Бондырев 28 июня 1845 года просит директора Витебской губернской гимназии принять на учебу Константина Васильева «в тот класс, в который по экзамене достойным покажется».

Если полковник был сводным братом маленького Константина, такая забота вполне оправданна. И в дальнейшем Бондыревы помогали незаконнорожденному родственнику.

Итак, Константин Васильев окончил Городокскую приходскую школу и уже вольным человеком поступил в Витебскую гимназию. В 17 лет приписался к мещанскому сословию под фамилией Вереницын.

Затем была Петербургская медико–хирургическая академия.

Именно там, в вольнодумной студенческой среде и получил автор «Тараса на Парнасе» знания о русском литературном процессе. Мы легко можем представить этого молодого разночинца с жадной жаждой знаний и справедливости, как их описывали Достоевский и Тургенев. Почему в медико–хирургической академии Вереницын проучился только пару лет, я сведений не нашла. Геннадий Киселев пишет: «У 1854 г. яго, па невядомых нам прычынах, з акадэміі выключылі». Однако в 1857 году Вереницын поступает в Горы–Горецкий земледельческий институт, сразу на третий курс. Это легендарное высшее учебное заведение одно время даже было единственным на белорусских землях, где вузы частенько закрывались как рассадники вольнодумия и сепаратизма.

И, кстати, высчитывая личность автора, Геннадий Киселев сразу сказал, что по определенным деталям текста поэмы тот мог учиться в Горы–Горках.

Вундеркинд из Горы–Горок

Написал свою знаменитую поэму Вереницын в 21 год — это почти что образчик студенческого капустника. Автору мог помогать его соученик и земляк Вуль, он же Карафа–Корбут. Можно представить, как зачитывались бурлескные строки в студенческой компании, как дружно смеялись слушатели...

Вереницын блестяще заканчивает институт, защитив диссертацию «О белорусском хозяйстве». Затем устраивается управляющим имения, какое–то время занимается в Могилеве крестьянской реформой.

Где был Вереницын во время восстания 1863 — 1864 годов? Понятно, что «не опорочился» в глазах властей, потому что с февраля 1863–го по март 1865 г. служил в Петербургском губернском по крестьянским делам присутствии, в 1865 —

1874 г. был помощником начальника, а затем заведующим отделом по отчуждению земель Главного товарищества Российских железных дорог. И это в то время, когда арестовывали по любому доносу и сотни тысяч семей повстанцев высылались в Сибирь.

Горецкий сельскохозяйственный институт в XIX веке. Рисунок Наполеона Орды.

Но все же чиновничья карьера не удалась, и в 1874 — 1879 годах Вереницын преподает географию и естествознание в учительской семинарии в Молодечно. Однако случились серьезные проблемы со здоровьем — тиф и воспаление легких. Вереницын увольняется и перебирается в Петербург. Здесь он попадает на службу в Министерство путей сообщения в канцелярию министра. К тому времени обзавелся семьей — женился на вдове губернского секретаря Елизавете Алексеевне Поль. Детей, похоже, не было. Вышел в отставку в 1900 году, умер в 1904-м, точная дата смерти неизвестна, как и место, где похоронен.

В последние годы жизни поэта его поэма уже издавалась и

переиздавалась, но Вереницын никак не заявлял о своем авторстве. Вообще, все, что он писал, было создано до восстания 1863–го.

Поклонник Шевченко

Итак, каким он был? Поэма «Тарас на Парнасе» вся пронизана духом вольнодумства, который характерен для либерального общества в годы после смерти Николая I. Вот герой видит, как литераторы карабкаются на Парнас, и сатирически описывает Булгарина и Греча, официозных, ненавистных либералами писак. С другой стороны, восхищается опальными классиками:

Сам Пушкін, Лермантаў, Жукоўскі

І Гогаль шпарка каля нас

Прайшлі, як павы, на Парнас.

Автор бурлескных поэм не мог не обладать чувством юмора. Не зря поэма «Тарас на Парнасе» давно растаскана на цитаты типа «Як тараканы каля хлеба, багі паселі ўкруг стала», «Узяўшы хустачку, Вянера пайшла «Мяцеліцу» скакаць», «Ну, словам, многа тут народу сабралась лезці на Парнас: былі паны, было і зброду, як часам і на свеце ў нас».

В то время это стало популярно: античные сюжеты глазами простолюдина. Известный пример — еще одна анонимная белорусская поэма «Энеїда навыварат» и «Энеїда» украинского поэта Котляревского. Очень важно, что поэма написана на белорусском языке. Кстати, исследователи сходятся в том, что на Константина Вереницына оказал большое влияние Тарас Шевченко. Хотя в поэме он и не упоминается, впечатляет уже само сходство судеб —

крепостное прошлое, талант, стремление получить образование. Как и Шевченко, Вереницын пишет на языке своего народа. Александр Рыпинский, переписывая «Тараса на Парнасе» в свои тетради, утверждал: «Притча эта написана по поводу неожиданного появления в русской литературе поэзии простого малороссийского казака Тараса Шевченко с его народной речью. Много наделал он голоса». Не случайно и имя главного героя поэмы.

Можно только предположить, сколько смог бы создать Вереницын, если бы не оставил занятия литературой и если бы для национальных писателей существовала возможность легальной публикации. Но счастье, что он успел что-то сказать в эпоху немоты. И подарить узнаваемый образ белорусской литературы — простодушного лесника Тараса.

В 2001 году на родине Вереницына в Островлянах и Городке установлены мемориальные знаки в честь поэмы «Тарас на Парнасе» и ее автора. А в 2009 году в издательстве «Мастацкая літаратура» вышла книга с поэмами «Тарас на Парнасе» и «Два д'яўлы» уже с именем автора на обложке.

Биография

**ВЕРЕНИЦЫН
КОНСТАНТИН ВАСИЛЬЕВИЧ
(1834 — 1904)**

Константин Васильевич Вереницын (белор. Канстанцін Васільевіч Вераніцын, 1 (13) июня 1834, деревня Островляны Витебского уезда и губернии (ныне Городокский район (Витебская область)) — начало 1904, Петербург) — белорусский поэт, автор самого популярного в XIX веке белорусского произведения — поэмы «Тарас на Парнасе», а также опубликованной в 1980-е годы поэмы «Два дьявола».

Из дворовых людей, первоначально имел фамилию Васильев (одинаковую с отчеством). В 11-летнем возрасте получил от помещика Василия Бондырева вольную, а в 17 лет, записавшись в мещане, взял себе фамилию Вереницын. Не исключено, что Вереницын был внебрачным сыном своего помещика, в дальнейшем о его судьбе заботились родственники Бондырева. Учился в приходской школе в Городке, затем (получив вольную) в Витебской губернской гимназии и в Петербургской медико-хирургической академии (1852—1854). 15 апреля 1855 года датирована рукопись «Тараса на Парнасе», писавшегося Вереницыным в Городке, с его подписью (известна по списку из собрания А. Ф. Рыпинского, описание которого, составленное в 1930-е годы М. Пиотуховичем, дошло до нас). В 1857—1859 году учился в Горыгорецком земледельческом институте (поступил сразу на третий курс) и получил квалификацию агронома, защитив диссертацию «О белорусском хозяйстве». 7 апреля 1860 г. датирована поэма «Два дьявола», также сохранившаяся в собрании Рыпинского, с пометкой «Москва» (о пребывании Вереницына в Москве по другим источникам не известно, возможно, он искал там работу). Затем Вереницын отошёл от литературы. Вообще, никакие известные документы, кроме списков Рыпинского, не связывают его личность с литературной деятельностью. Тем не менее известные детали его биографии соответствуют предполагаемому облику автора «Тараса», как его представляли литературоведы: уроженец Витебщины, из

крестьян, человек русской культуры (в отличие от польской ориентации большинства других претендентов на авторство), был в Петербурге («Тарас» показывает близкое знакомство с русской литературной жизнью, портрет Булгарина, возможно, написан в нём с натуры), учился в Горыгорецком институте, с которым традиция устойчиво связывала происхождение поэмы.

После окончания института Вереницын управлял помещьем в Могилёвской губернии, в 1874—1879 годах преподавал географию и естествознание в учительской семинарии в Молодечно, однако из-за слабого здоровья (переболел тифом и воспалением лёгких) уволился оттуда. Между 1875 и 1879 г. Вереницын женился на вдове губернского секретаря Елизавете Алексеевне Поль; детей у них, по-видимому, не было, во всяком случае, в его формулярных списках они не упоминаются. С 1880 г. служил в Петербурге чиновником Министерства путей сообщения в канцелярии министра, дослужился до чина статского советника. Когда в 1889 году «Тарас на Парнасе», до этого распространявшийся в списках, был впервые опубликован в газете «Минский листок» (в дальнейшем неоднократно переиздавался, приписываясь то В. Дунину-Марцинкевичу, то Франтишку Богушевичу, то В. Ровинскому, то другим авторам), Вереницын никак не объявлял своего авторства.

Проживал в Петербурге по адресу: Поварской переулоч, 12 (ныне № 13). Ранее в этом же доме жили Тургенев, Некрасов, Чернышевский. Вереницын вышел в отставку в 1900 году и умер незадолго до февраля 1904 г., когда его вдове были выданы новые документы. Точная дата его смерти неизвестна, как и место, где он похоронен; нет даже уверенности, что он умер в Петербурге, так как в архиве церкви, ближайших к его дому, за соответствующий период запись о его отпевании не найдена.

Библиографія

Тарас на парнасе: Канстанцін Вераніцын. Тарас на Парнасе: Мінск «Мастацкая літаратура» 2009 г.

Два д'яўлы: Канстанцін Вераніцын. Тарас на Парнасе: Мінск «Мастацкая літаратура» 2009 г.

В книге использованы иллюстрации и картины В.Слаука

На обложке картина В.Слаука «Глупый чёрт».

Комментарии Юрия Патюпы.

Перевод на русский язык М.Лозинского и А.Левчика

Оглавление

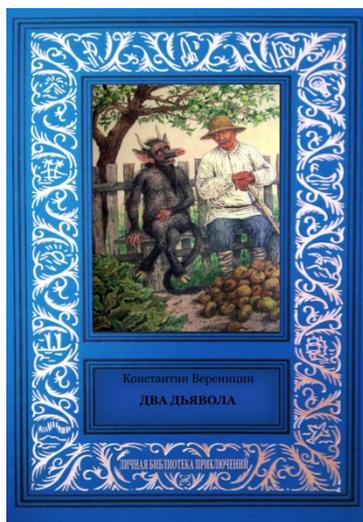
Тарас на Парнасе (бел.)	4
Тарас на Парнасе (рус.)	21
Два д'яўла (бел.)	38
Два дьявола (рус.)	49
Комментарии	60
Приложение	76
Биография	84
Библиография издания	87

Электронное
литературно-художественное издание

ЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ПРИКЛЮЧЕНИЙ

XLII

ПРИКЛЮЧЕНИЯ • ПУТЕШЕСТВИЯ •
ФАНТАСТИКА

LEO

89